

ВВЕДЕНИЕ

Способы рассмотрения природы

§ 245 [12]

Практически человек относится к природе, когда он смотрит на нее как на нечто непосредственное и внешнее¹¹, причем он сам выступает как непосредственно внешний и, следовательно, чувственный индивидуум, который, однако, даже в качестве такового с полным правом ведет себя по отношению к предметам природы как их *цель*. Рассмотрение последних со стороны этого отношения представляет собой финально-телеологическую точку зрения (§ 205). Этот взгляд основывается на правильной предпосылке (§ 207—211), что природа не содержит абсолютной конечной цели в самой себе. Но когда этот способ рассмотрения исходит из особенных *конечных* целей, то, с одной стороны, он делает предпосылкой то случайное содержание, которое даже для себя оказывается незначительным и пустым. С другой стороны, отношение цели требует более глубокого способа понятия, чем тот, который видит в ней внешние и конечные отношения, — способа рассмотрения понятия, которое по своей природе вообще имманентно и, значит, имманентно природе как таковой.

§ 246 [14] *

То, что теперь называют *физикой*, называлось раньше *философией природы*, и есть как раз *теоретическое*, а именно *мыслительное* рассмотрение природы. Оно, с одной стороны, не исходит из определений, внешних природе, каковыми являются вышеуказанные цели, а, с другой — стремится к познанию природного *всеобщего, определенного одновременно в себе*, — сил, законов, родов, — содержание которых, далее, не есть голый агрегат, а должно быть приведено к порядкам, классам, приведено в организованное целое.

Так как философия природы представляет собой *постигающее в понятиях* рассмотрение природы, то она имеет своим предметом то же *всеобщее*, но взятое для себя, и рассматривает это последнее в его собственной, *имманентной необходимости* — согласно самоопределению понятия.

Примечание. Об отношении философии к эмпирическим наукам мы уже говорили в общем введении¹⁸. Философия не только должна согласоваться с опытным познанием природы, но само *возникновение и развитие* философской науки имеет своей предпосылкой и условием эмпирическую физику. Но одно — ход возникновения и подготовительные работы какой-нибудь науки и другое — сама эта наука. В последней эти предварительные стадии не могут уже играть роль основания, им должна быть здесь необходимость понятия. Мы уже упомянули раньше, что в ходе философского обоснования предмет должен быть дан не только со стороны его *понятийного определения*, но и со стороны того *эмпирического явления*, которое соответствует данному определению, должно быть доказано, что это эмпирическое явление действительно соответствует данному определению. По отношению к необходимости содержания это, однако, не означает ссылки на опыт. Еще менее допустима ссылка на то, что получило название *созерцания* и что обычно является не чем иным, как способом действия представления и фантазии (а также и сумасбродства) по *аналогиям*, которые могут быть то более случайными, то более значительными, но выражают в предметах лишь *внешние определения и схемы* (§ 231, примечание)¹⁹.

Понятие природы

§ 247 [25]

Предшествующее размышление привело нас к заключению, что природа есть идея в форме *инобытия*. Так как идея, таким образом, существует как отрицание самой себя, или, иначе говоря, как *внешняя себе*, то природа не просто есть внешнее по отношению к этой идее (и к ее субъективному существованию, к духу), но *характер внешности* составляет определение, в котором она существует как природа.

§ 248 [29] *

В этой внешности (*Äußerlichkeit*) определения понятия имеют видимость *равнодушного существования и разрозненности* по отношению друг к другу; понятие поэтому есть здесь нечто внутреннее.

Природа тем самым являет в своем наличном бытии не свободу, а *необходимость и случайность*.

Примечание. Мы не должны поэтому обожествлять природу со стороны ее определенного существования, которое именно и является природой; не должны отдавать предпочтения солнцу, луне, животным, растениям и т. п. как божьим творениям перед делами и событиями человеческими. В себе, в идее природа божественна, но в таковой, какова она есть, ее бытие не соответствует ее понятию, она является скорее *неразрешенным противоречием*. Ее своеобразие состоит в ее *положенности*, отрицательности; древние понимали вообще материю как non-ens. Таким образом, природа была объявлена также и *отпадением* идеи от самой себя, потому что идея в этой форме внешности, не адекватна самой себе. Лишь тому сознанию, которое сначала само внешне и, следовательно, непосредственно, т. е. *чувственному* сознанию, природа представляется первым, непосредственным, сущим. Так как она, однако, есть изображение идеи хотя и в форме внешности, то можно и должно удивляться проявленной в ней премудрости божьей. Но если Ванини³⁸ говорит, что достаточно соломинки, чтобы познать бытие бога, то мы должны сказать, что всякое представление духа, наихудшая его фантазия, игра его случайного каприза, каждое его слово являются более превосходным основанием познания существования бога, чем какой бы то ни был отдельный предмет природы. В природе не только игра форм носит характер иррегулярной, безудержной случайности, но и каждой форме, взятой самой по себе, недостает своего собственного понятия. Высшей ступенью, до которой природа поднимается в своем наличном бытии, является *жизнь*, но в качестве лишь природной идеи последняя предоставлена власти неразумности, внешних условий, и индивидуальная жизненность в каждый данный момент ее существования перепутана с другой, чуждой ей единичностью; напротив, в каждом духовном проявлении содержится момент свободного всеобщего отношения с самим собой.

Таким же недоразумением является то, что духовное ставится вообще ниже, чем предметы природы, что *произведения человеческого искусства* ставятся ниже произведений природы потому, что в первых материал необходимо должен быть заимствован извне, а затем еще и потому, что эти произведения — не живые. Как будто духовная форма не содержит в себе более высокой жизненности и не является более до-

стойной духа, чем природная форма, как будто вообще форма не выше материи и во всем нравственном то, что можно называть материей, также не принадлежит всецело духу³⁹; как будто в природе более высокое, живое также не заимствует своей материи извне. Далее, указывают как на преимущество природы на то, что при всей случайности ее отдельных экземпляров она все-таки верна вечным законам; но ведь этим вечным законам остается верным также и царство самосознания. В вере уже получило признание то обстоятельство, что событиями человеческой жизни управляет промысел божий. Или, может быть, скажут, что определения этого промысла в области событий человеческой жизни лишь случайны и неразумны? Но если духовная случайность, *произвол*, доходит до зла, то и последнее все же представляет собой нечто бесконечно высшее, чем совершающееся согласно законам движение светил или невинность растений⁴⁰, ибо то, что таким образом уклоняется от правильного пути, все же остается духом.

§ 249 [33] *

Природа должна быть рассмотрена как *система ступеней*, каждая из которых необходимо вытекает из другой и является ближайшей истиной той, из которой она проистекала, причем, однако, здесь нет *естественного* (*natürlich*) процесса порождения, а есть лишь порождение в лоне внутренней идеи, составляющей основание природы. *Метаморфоз* подвергается лишь понятие как таковое, так как лишь его изменения суть развитие. Но в природе понятие представляет собой отчасти лишь некое внутреннее, отчасти же существует лишь в качестве живого индивидуума. *Экзистирующая* метаморфоза поэтому ограничена лишь областью живых существ.

Примечание. Древняя, а также новейшая философия природы исходили из неудачного представления, будто эволюция форм и сфер природы и переход их в высшие формы и сферы являются внешним и фактическим порождением, которое (порождение), однако, отодвигалось в тьму давно прошедших времен единственно лишь для того, чтобы сделать его более ясным для нас. В действительности же природе как раз свойствен характер внешности, ей свойственно дать различиям обособиться и выступать как безразличные друг к другу существа. Диалекти-

ческое же понятие, сообщающее поступательное движение *ступеням*, является внутренним в них. Мыслительное рассмотрение должно воздержаться от такого рода туманных, чувственных в своей основе представлений, как, например, представление о так называемом *происхождении* растений и животных из воды или представление о *происхождении* более развитых животных организаций из низших и т. д.⁴⁶

§ 250 [37] *

Противоречие идеи, поскольку она в качестве природы является внешней самой себе, состоит, точнее, в противоречии между порождаемой понятием *необходимостью* ее образований, их разумного определения в органической тотальности, с одной стороны, и их безразличной случайностью и неопределенной незакономерностью — с другой. Случайность и извне-определенность торжествуют победу в сфере природы⁵¹. Больше всего этой случайности в царстве конкретных индивидуальных образований, которые, однако, как предметы природы являются вместе с тем лишь *непосредственно* конкретными. *Непосредственно* конкретное есть именно множество свойств, внеположных и более или менее безразличных друг к другу, вследствие чего именно простая для себя сущая субъективность также равнодушна к этому множеству свойств и предоставляет его внешнему, следовательно, случайному определению. В том-то и состоит *бессилие* природы, что она оставляет определения понятия лишь абстрактными и отдает разработку особенного внешним определяющим моментам⁵².

Примечание. Часто восхваляли бесконечное богатство природы, многообразие и даже, что уже совершенно неразумно, случайность, примешивающуюся к внешнему порядку естественных образований, как высшую свободу природы и ее божественность или по крайней мере как божественное в ней. Мы должны признать характерной особенностью чувственного способа представления то, что оно принимает случайность, произвол, отсутствие порядка за свободу и разумность. Указанное бессилие природы ставит границы философии, и совершенно нелепым является требование, предъявленное разуму, чтобы он постигал такого рода случайности (как это обычно называлось), дедуцировал, конструировал их; предъявляющим такое требование кажется даже, что

они тем более облегчают задачу философии, чем более незначительно и разрозненно то образование, которое они предлагают дедуцировать.*)

Несомненно, что следы определения понятия можно будет проследить в самых частных фактах, однако последние никогда не исчерпываются этим определением. Следы этого поступательного движения и внутренней связи часто будут поражать рассматривающего эти факты, но более всего они будут удивлять или даже казаться невероятными тому, кто привык видеть лишь случайное как в истории природы, так и в истории людей. Но нужно всегда остерегаться, чтобы не принимать таких следов разумности за тотальность определений данного образования: это являлось бы переходом к вышеуказанным аналогиям.

Это бессилие природы сохранить понятие в его конкретных осуществлениях является причиной трудности, а во многих областях прямо невозможности найти путем опытного рассмотрения твердые отличительные признаки классов и порядков. Природа всюду стушевывает существенные границы, создавая промежуточные и неудачные образования, которые всегда являются опровержениями всяких твердых отличительных признаков. Даже в пределах определенных видов (например, в пределах человеческого рода) эти границы стушевываются уродцами; последние, с одной стороны, должны быть причислены к этому виду, но, с другой стороны, лишены тех определений, которые следовало бы рассматривать как существенные особенности данного вида. Для того чтобы мы имели право называть такие создания неудачными, плохими,искаженными, у нас должен иметься для сравнения твердый тип, но его нельзя почерпнуть из опыта, ибо как раз последний и дает нам этих так называемых уродцев, неудачные формы, промежуточные создания и т. д. Такой тип скорее предполагает самостоятельность и достоинство определения понятия.

*) Г-н Круг⁵³ предъявил когда-то философии природы совершенно наивное как с этой, так и с другой стороны требование показать совсем маленький фокус — дедуцировать только перо, которым он пишет.

Можно было бы, пожалуй, подать ему надежду, что наука примется за решение этой задачи, за прославление *его* пера, когда подвинется так далеко, что все более важные вопросы на небе и на земле в настоящем и в прошлом будут решены и не останется постичь ничего более важного, чем *его* перо.

§ 251 [39]

Природа есть *в себе* некое живое целое. Конкретное, ее восхождение по ступеням развития состоит в том, что идея *полагает* себя как то, что она есть *в себе*, или, что то же самое, в том, что она выходит из своей непосредственности и внешности, являющейся *смертью*, и входит *в самое себя*, чтобы сначала стать *живым существом*, а затем снять также и эту определенную форму, в которой она есть лишь жизнь, и породить себя к духовному существованию, которое является истиной и конечной целью природы и подлинной действительностью идеи.

Разделение

§ 252 [40]

Идея как природа обнаруживается:

I. в определении внеположности, в бесконечной *разрозненности*; единство формы является лишь внешним; это единство существует как *идеальное* только в себе и поэтому только как искомое. Это — материя и ее идеальная система — *механика*;

II. в определении особенности, так что реальность полагается с имманентной определенностью формы и существующей в ней дифференциацией; она [*реальность*] есть некое рефлексивное отношение, в-самом-себе-бытие которого есть природная *индивидуальность* — *физика*;

III. в определении *субъективности*, в которой реальные различия формы столь же сведены вновь к *идеальному единству*, обретшему самое себя и существующему для себя — *органика*.